

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И СУДЬБА ВОРОНЕЖСКИХ АРХИВОВ

В. А. Алленова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается влияние революционных событий 1917 г. на положение воронежских архивов, а также их судьба в первые послеоктябрьские годы.

Ключевые слова: революция, архивы, Воронеж, Воронежская губерния, Воронежская ученая архивная комиссия, губернский архивный фонд, губернское архивное бюро.

Abstract: the article examines the influence of revolutionary events of 1917 on the position of the Voronezh archives, as well as their fate in the first post-October period.

Key words: revolution, archives, Voronezh, Voronezh province, Voronezh academic archival commission, provincial archive fund, provincial archival bureau.

Опыт мировой истории свидетельствует о том, что неизбежным спутником любых социально-политических катаклизмов является уничтожение документальных свидетельств о прошлом, массовая гибель архивов. Россия начала XX в. не была исключением в этом ряду. Положение отечественных архивов в 1917 г. было близким к катастрофическому [1; 2]. С первых дней Февральской революции как в Москве, Петрограде, так и в провинции начались поджоги архивов полицейских и жандармских управлений, тюрем, судебных учреждений. Один из членов созданной в марте 1917 г. под председательством С. П. Мельгунова «Комиссии по разработке архивов политических дел» В. Б. Жилинский свидетельствовал: «...начиная с Петрограда, запылали по всей России драгоценные для истории документы. С преданностью, достойной лучшей участи, темные дельцы исполнили волю бывших властителей и уничтожили архивы» [3].

Обеспокоенные судьбой отечественного историко-культурного наследия видные деятели культуры, входившие в комиссию по делам искусств под председательством М. Горького, составили «Воззвание», подписанное исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В нем говорилось: «Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит народу, ...не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы: все это ваша история, ваша гордость» [4]. Однако восставшие массы в большинстве своем были далеки от понимания исторической ценности этого наследия. Документами топили печи, пускали на обертки, конверты и самокрутки. Не меньшая угроза архивам исходила от начавшейся реформы государственного аппарата. Помещения ликвидированных

правительственных учреждений занимали новые, для которых старые бумаги не представляли никакой ценности и от которых они стремились как можно быстрее избавиться.

Власти пытались остановить это бедствие путем разъяснительной работы. В октябре 1919 г. после очередного уничтожения красноармейцами в Москве рукописей и переписки известных писателей В. Д. Бонч-Бруевич по поручению В. И. Ленина написал популярную брошюру под названием «Сохраняйте архивы», текст которой был напечатан во всех газетах, а затем издан в пятидесяти тысячах экземпляров и разослан по красноармейским частям и различным учреждениям и организациям [5].

В том же году Петроградское отделение Главархива выпустило листовку «Сберечь архивы – значит помогать строить лучшее будущее. Будем беречь наши архивы», а также брошюру «Почему необходимо хранить собрания документов, и чем всякий из нас может помочь в этом деле», автором которых был видный историк-архивист В. В. Снигирев, в прошлом сотрудник Архива Министерства народного просвещения. В ней, в частности, говорилось: «Каждый архив является драгоценным народным достоянием, подлежащим самой бережной охране, особенно со стороны всех тех, кому не безразлична память о старине, кто сознает необходимость знакомства с нею для создания лучшего будущего. Каким бы малоинтересным и неважным ни казались на первый взгляд документы некоторых архивов... – все эти документы и бумаги очень ценны и сейчас, и особенно в будущем» [6].

В Воронеже ситуация мало чем отличалась от общей картины в стране. При пожарах здесь сгорели архивы городского полицейского управления, тюрьмы, часть архива жандармского управления. Сотрудник Воронежской ученой архивной комиссии С. А. Стрижевский свидетельствовал о том, что солдаты коммунальной

войсковой части, занявшие помещение ликвидационного отдела губисполкома, после обнаружения хранившихся там документов войсковых частей царской армии тут же принялись пускать их на самокрутки [7].

Положение усугублялось тем, что в управлении архивами губернии после революции наблюдалось своего рода двоевластие. С одной стороны, ответственность за архивное дело в ряде губерний, в том числе и Воронежской, была возложена на Московское областное архивное управление, вскоре упраздненное и так и не пришедшее в Воронеж своего представителя. С другой стороны, продолжала функционировать Воронежская ученая архивная комиссия (далее – ВУАК), учрежденная в 1900 г. и имевшая значительный опыт работы по концентрации документальных материалов и разработке истории края. Так что, хотя по букве декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», упразднившего прежние архивные структуры, губернские ученые архивные комиссии подлежали ликвидации, они продолжали оставаться единственными фактическими организаторами архивной жизни на местах.

После событий 1917 г. основным направлением деятельности ВУАК стала забота о спасении архивов упраздненных губернских учреждений и организаций, а также частей царской армии, которым грозила реальная опасность. Известный воронежский архивист Т. М. Олейников писал: «Архивы: они заброшены, забыты, на них смотрят иногда как на что-то ненужное, иногда опасное. Нет до них никакого дела. Правда, о них иногда вспоминают, но... лучше бы не вспоминали. Учреждения вспоминают о них тогда, когда требуется бумага чистая; частные лица – когда требуется бумага для курительных целей. В результате – архивы или уничтожены совсем, или уничтожены наполовину... И поэтому, кто обязан, кто может – спасайте архивы. Спасайте!» [8, с. 223].

Зимой 1918 г. комиссии удалось взять под контроль ряд архивов упраздненных учреждений: воронежской дворянской опеки, губернского предводителя дворянства, воронежских уездного предводителя дворянства и земского начальника, мировых и участковых судей, архив Ковенского воинского начальника, эвакуированного в Воронеж во время мировой войны, и др. Особых каждодневных хлопот стоило добывание транспорта – в общей сложности за два месяца было перевезено более двухсот подвод с архивными делами. Разбирались они в не менее сложных условиях – в неотопляемых помещениях, при разбитых окнах.

К весне 1919 г. в амбарах губернского музея, находившегося в ведении ВУАК, удалось сосредоточить фонды 16 упраздненных губернских учреждений и 47 войсковых частей царской армии в количестве четырехсот ящиков [9]. К вышеназванным добавились фонды губернского дворянского собрания, дворянской опеки, губернского правления, канцелярии губернатора, губернского присутствия, губернского по воинским делам присутствия, губернского депутатского собрания,

Михайловского кадетского корпуса, 25-го Смоленского пехотного полка, духовного училища, управления земледелия и государственных имуществ, воронежского уездного полицейского управления, губернского жандармского управления.

Одновременно с полуофициальной деятельностью губернских ученых архивных комиссий в 1918 г. был начат процесс создания Главархивом института губернских уполномоченных и коллегий по охране архивов при них. В Воронежской губернии уполномоченным в апреле 1919 г. был назначен профессор бывшего Юрьевского (Дерптского) университета И. И. Лаппо [10]. Лучшей кандидатуры, чем авторитетный историк, известный специалист по истории Великого княжества Литовского, западной и юго-западной России, много лет проработавший в архивах как исследователь, было не найти. Не случайно вскоре после его приезда в Воронеж в составе группы профессоров эвакуированного Юрьевского университета именно к нему обратился Наркомат просвещения в связи с решением судьбы огромного массива судебных документов, отложившихся в городе. Тогда же был сформирован первый состав губархива, образованного 6 (19) апреля 1919 г. Он состоял из семи квалифицированных сотрудников: заведующего И. И. Лаппо, архивариуса С. Н. Шестовой, научных сотрудников К. Н. Лукьянчикова, З. В. Яковлевой, В. И. Тимофеевского, В. С. Ярцева, секретаря С. А. Стрижевского.

Главным направлением деятельности архивной службы И. И. Лаппо полагал учет архивных фондов и документальных собраний, а также предотвращение их гибели, угроза которой по-прежнему оставалась более чем реальной. Так, в апреле 1919 г. губсовнархоз принял постановление, обязавшее все правительственные, общественные и кооперативные учреждения, военные учреждения, войсковые части, управление железной дороги, а также частных лиц в двухнедельный срок сдать все дореволюционные дела в его утилизационный отдел. И. И. Лаппо стоило немалых усилий добиться отмены этого постановления.

Для того чтобы сохранить документальное наследие, доставшееся от предыдущей эпохи, необходимо было выявить и учесть архивы упраздненных местных учреждений, что представляло определенную трудность, так как исчерпывающим списком подобных учреждений и архивов при них губархив не располагал. Первое, что удалось сделать, – осмотреть архивы бывшей казенной палаты и дореволюционных судебных учреждений. При этом были выявлены ценные документы – материалы губернской канцелярии XVIII в., Воронежских палат уголовного и гражданского суда первой половины XIX в., гражданского и уголовного отделений Воронежского окружного суда второй половины XIX в. Предпринимались также попытки обследования и учета уездных архивов. Так, летом 1919 г. были совершены поездки в Задонск и Острогожск, однако вывезти выявленные фонды в Воронеж не удалось – на территории губернии уже начались военные действия.

1 октября 1919 г. Воронеж был занят белогвардейцами. К этому времени документы ряда партийных и советских органов были эвакуированы, в их числе архивы губисполкома, ревкома, партийный архив, часть архива губернской чрезвычайной комиссии. Однако большая часть документов осталась на месте. Характерно, что одним из первых советских учреждений был разгромлен городской жилищный отдел, ставший главным объектом ненависти населения Воронежа. Кроме того, при пожарах пострадали документы ряда других советских учреждений, например, сгорели все оставшиеся в городе документы губернской чрезвычайной комиссии. Был также уничтожен склад отдела утилизации губсовнархоза, в котором хранились передававшиеся городскими учреждениями документы, казавшиеся им ненужными. Сотрудники губархива предпринимали все от них зависящее для охраны архивов, в которые пытались проникать грабители. Так, по настоянию И. И. Лаппо у помещения с документами частей царской армии был выставлен часовой, что предотвратило дальнейшие попытки хищений этих материалов.

После отъезда И. И. Лаппо из Воронежа с отступавшими белогвардейцами новым заведующим губархивом стал выпускник исторического отделения Нежинского историко-филологического института, член Воронежской ученой архивной комиссии с 1911 г. К. Н. Лукьянчиков, занимавший эту должность вплоть до самоубийства в январе 1926 г. Под его руководством в течение 1920 г. сотрудникам губархива удалось взять на учет и частично сконцентрировать архивы городской думы и управы, духовного, епархиального и реального училищ, дирекции народных училищ, Николаевской женской гимназии, метрические книги церковей губернии за период с середины XVIII в. по начало XX в., Церковного историко-археологического комитета, государственного банка, Дворянского и крестьянского поземельного банка, Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Волжско-Камского, коммерческого банков, прокуратуры, Окружного суда, следственной комиссии, попечительства о детских приютах, Митрофановского монастыря и др.

Важнейшей задачей оставалась защита архивов от хищений, угроза которых после ухода белогвардейцев исходила уже не от казаков, а от красноармейцев. Так, в марте 1920 г. солдаты, находившиеся на излечении в эвакуационном пункте, похитили тысячу пудов документов XVIII–XIX вв. из архива казенной палаты [11]. В условиях бумажного голода местные архивы продолжали оставаться объектом пристального внимания части городского населения, превратившего кражу архивных документов в доходное предприятие. К. Н. Лукьянчиков в своем отчете в Главархив свидетельствовал о том, что недостаток курительной и оберточной бумаги привел к появлению «множества любителей, которые сделали своим промыслом разгром архивов и похищение из них архивных дел, находящихся широкий сбыт на базарах по крайне высокому ценам» [12]. В этой связи в своем распоряжении новый заведующий сформулировал первоочередные задачи, стоявшие перед губархивом, следу-

ющим образом: «спасение всех гибнущих архивов по губернии, собирание и упорядочение их в едином губернском архивохранилище» [13]. Таким образом, была поставлена задача концентрации всех губернских научно значимых документов в рамках единого губернского архивохранилища.

Однако реализовать эту задачу было далеко не просто. Совершивший служебную поездку по уездам хранитель историко-археологического отдела губернского музея и по совместительству научный сотрудник губархивбюро Т. М. Олейников застал весьма печальную картину. Так, при въезде в г. Острогжск около тюрьмы он увидел «целые громады полуистлевшей бумаги», оказавшиеся архивом местной тюрьмы. «Таким образом, – горько иронизировал он, – в наше время открывается новый способ хранения архивов – в чистом поле, под открытым небом. Оригинально, но в высшей степени плачевно» [8, с. 225]. Архив Острогжского суда был наполовину расхищен, наполовину спасен благодаря усилиям хранителя архива Острогжского музея М. В. Ивченко. Ему же удалось сохранить архивы городской управы и полицейского управления. Что же касается, по выражению Т. М. Олейникова, местных «начальствующих лиц», то воронежский архивист убедился на собственном опыте, что архивы их не интересуют ни в какой мере. В результате полного попустительства со стороны местного руководства острогжские архивы активно расхищались, а документы из них можно было купить на базаре в любой день.

В г. Коротояке, частично разрушенном в результате ожесточенных боев, продолжавшихся здесь почти полмесяца, погибли грамоты царя Алексея Михайловича, ранее украшавшие стены помещения городской управы. Сам же архив городской управы был помещен в отдел социального обеспечения и никем не контролировался. «Одна часть архива, – писал Т. М. Олейников, – находится в шкафах, которые не запираются, почему туда засовывают руку все, кто только пожелает. А засовывают руку туда частенько даже и простые посетители: одни за чистой бумагой для прошений, заявлений и т. д., другие вообще за бумагой для курительных целей. Другая часть архива в хаотическом беспорядке разбросана на чердаке. Кто же наблюдает за архивом? Никто» [там же, с. 224]. В итоге Т. М. Олейников был вынужден констатировать, что не встретил в Коротояке ни одного человека, который бы сожалел по поводу утраты ценных памятников: «Полное равнодушие. Такое же равнодушие, даже большее и вообще к архивам» [там же].

В г. Валуйки должностные лица на вопросы Т. М. Олейникова о местных архивах недоуменно пожимали плечами и направляли его от одного к другому, что свидетельствовало о полном незнании их положения и незаинтересованности в их судьбе. В Валуйках Т. М. Олейникову удалось обнаружить остатки архива городской управы, часть которого была сложена в маленькой комнатушке, другая – в сарае, и все «беспорядочно, беспорядочно». Архивы других местных учреждений были частично уничтожены, частич-

но разбросаны по разным, не приспособленным для хранения документов помещениям.

Т. М. Олейников также обследовал архивы волостных и сельских правлений слобод Уразовой Валуйского уезда; Марьевки, Гнилой, Марченковой, Ольховатки, Марковки, Морозовки, Неровной, Лизиновки, Россоши, хутора Подгорного Острогожского уезда; городка Лиски, немецкой колонии Рыбенсдорф. По поводу состояния большинства из них Т. М. Олейников высказался лаконично – «одна скорбь». Практически везде архивы были либо уже утрачены, либо хранились в неподобающих условиях вместе с зерном, подсолнечным маслом и конской сбруей. Общим местом стала их утилизация для канцелярских нужд и в курительных целях. Подобным образом на три четверти был уничтожен ценный архив росошанского волостного правления, хранивший документы XVIII в., – из него выбрали чистую бумагу, сами же документы сожгли. Архивы школ были уничтожены самими учителями – при переходе Россоши от белых к красным они старались избавиться от документов времен белых, и наоборот – красных. В результате школьные архивы были полностью утрачены.

Немногочисленными исключениями из общего правила стали несколько архивов волостных правлений – немецкой колонии Рыбенсдорф, в котором сохранились все документы, начиная с середины XVIII в., и нескольких слобод Острогожского уезда. Везде, где побывал воронежский архивист, вопросы об архивах вызывали недоумение. «В силу этого, – констатировал Т. М. Олейников, – начинаешь чувствовать себя с дорогими для тебя архивами каким-то одиноким, заброшенным к другим людям с совершенно другими интересами» [там же, с. 226].

Еще более плачевно обстояло дело с частновладельческими архивами. Так, например, фамильный архив землевладельцев Хариных, находившийся в их имении в слободе Морозовка Острогожского района, во избежание пожара сначала перенесли из чердака в дом, а затем в сад и спустя какое-то время сожгли. В сл. Лизиновка того же уезда (близ Россоши) на руках у местных жителей находилась переписка редактора и издателя трудов Л. Н. Толстого, его близкого друга и главы толстовского общественного движения В. Г. Черткова, в том числе и с самим писателем. Лизиновка являлась помещьем родителей В. Г. Черткова, куда он переселился, оставив службу в конногвардейском полку. Однако, несмотря на все попытки сотрудников губархива получить эти письма, сделать этого так и не удалось, так что дальнейшая судьба ценных документов неизвестна. Также архивистам было известно о том, что в имении члена губернской земской управы Д. Д. Рябинина близ слободы Федоровки-Саловки Валуйского уезда в свое время хранилось значительное количество рукописей, в том числе на татарском языке, однако обследование имения результата не дало.

Более удачной стала экспедиция в имение секретаря Воронежского губернского статистического комитета, директора Московского публичного и Румянцевского

музея М. А. Веневитинова в с. Новоживотинном. Здесь удалось обнаружить и спасти ряд документов XVII в., относившихся к истории Воронежского края, однако это была всего лишь незначительная часть архива, сожженного, как выяснилось, в свое время слугами.

Таким образом, поставленная К. Н. Лукьянчиковым задача создания единого губернского архивохранилища осложнялась сразу несколькими факторами. Во-первых, условиями существования еще уцелевших губернских архивов, ни в коей мере не гарантировавшими их сохранность. Во-вторых, кадровым голодом – многие архивисты не выдерживали тяжелых условий плохо оплачиваемой работы, в губархиве оставались только энтузиасты и настоящие подвижники своего дела. «Состав сотрудников и служащих, – констатировал К. Н. Лукьянчиков, – часто меняется вследствие скудных средств, отсутствия найма и тяжелых условий архивной работы» [14]. В-третьих, отсутствием у архива собственных помещений. Большая часть фондов хранилась на усадьбе губернского музея и находилась в двойном подчинении. Канцелярия губархива размещалась в доме № 38 по улице К. Маркса. Только в феврале 1920 г. губархиву было предоставлено девять комнат на втором этаже и подвал в здании бывшей казенной палаты по проспекту Революции, д. 7 (ныне д. 21), а вскоре и все здание, в котором ранее находилось губернское статистическое бюро, перешло архивному ведомству. Но это счастливое положение продолжалось недолго. Губстатбюро переиграло дело в свою пользу, отобрав в конце 1920 г. у губархива все помещения, за исключением подвала и нескольких комнат первого этажа.

В заключение следует констатировать, что несмотря на неизбежные потери архивных материалов в 1917 г. и в первые постреволюционные годы, обусловленные как нестабильностью обстановки в губернии из-за ее прифронтового положения, так и превращением губернии время от времени в настоящий театр военных действий, тем не менее к началу 1921 г. в Воронеже был сформирован губернский архивный фонд и заложены основы новой архивной сети. Благодаря деятельности настоящих подвижников своего дела в это время было положено начало формированию источниковой базы, ставшей основой для исследователей многих поколений воронежских историков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хорхордина Т. И. Революция 1917 г. и российские архивы : как это было / Т. И. Хорхордина // Вестник архивиста. – М., 2017. – № 1. – Режим доступа: <http://www.vestarchive.ru/2017-2/3633-revoluciia-1917-g-i-rossiiskie-arhivy-kak-eto-bylo.html>
2. Старостин Е. В. Архивы и революция / Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина. – М., 2007.
3. Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти / В. Б. Жилинский. – М., 1918. – (Труды комиссии по разработке политических архивов в Москве. – Вып. 2). – Режим доступа:

<http://elib.shpl.ru/nodes/5042#page/11/mode/inspect/zoom/4>

4. Воззвание. Комиссия по Делах Искусств при Исполнительном Комитете Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/goerich/goer378.htm>

5. Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Как была написана брошюра «Сохраняйте архивы» / В. Д. Бонч-Бруевич. – Режим доступа: <http://leninism.su/memory/4170-vospominaniya-o-lenine51.html?start=42>

6. Почему необходимо бережно хранить собрания документов и бумаг, и чем всякий из нас может помочь в этом деле. – Режим доступа: <http://rgantd.ru/novosti/k-90-letiyu-gosudarstvennoi-arkhivnoi-sluzhby-rossii.shtml>

7. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. 441. – Оп. 1. – Д. 15а. – Л. 23 об.

8. Отчет сотрудника губархивбюро Т. М. Олейникова о командировке в уездные города Воронежской губернии в марте–мае 1920 г. // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2003. – Вып. 11. – С. 221–230.

9. ГАВО. – Ф. 441. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 2.

10. Чесноков В. И. И. И. Лаппо и архивное строительство в Воронежской губернии в 1919 году / В. И. Чесноков // Проблемы отечественной и всеобщей истории в трудах советских исследователей. – Воронеж, 1985. – С. 66–74.

11. ГАВО. – Ф. 441. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 92 об.

12. ГАВО. – Ф. 441. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 2.

13. ГАВО. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 31 об.

14. ГАВО. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 16.

Воронежский государственный университет
Аленова В. А., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения
E-mail: allenova.va@gmail.com
Тел.: 8-950-770-22-36

Voronezh State University
Allenova V. A., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Contemporary
Russian History, Historiography and Documentation
E-mail: allenova.va@gmail.com
Tel.: 8-950-770-22-36